

ЮЛИЯ ЗАРЕЦКАЯ

ЖИВАЯ ВОДА

РАССКАЗ

В нашей жизни чудеса случаются нечасто. Хотя разве сама жизнь не есть величайшее чудо? Видимо, так, но всё же... Всё же хочется чуда. И человек ждёт. Но разве он способен только ждать? Нет, он сам может создать чудо. Лишь бы захотел.

Лёнька Малец, например, не хотел. Само получилось. Да и не считал он это никаким дивом. Так, обычный пример химической реакции. В школе когда-то проходили. Электрический ток, электроды, электролит, катод, анод — всё просто!..

...Лёнька-школьник на отличника никогда не тянул. Честно говоря, не очень и хотелось. Не любил он эти морфемы с пунктуациями, путал палеолит с мезолитом, скучал на ботанике с анатомией, а физику — любил. Ему нравилось доходить своим умом до сути законов Архимеда и Ньютона, представлять молекулы с атомами, натирать эбонитовую палочку о шерсть, пока не начнёт проскакивать искра, слушать о вращении Земли вокруг своей оси, а затем устраивать на перевёрнутой табуретке маятник Фуко, и узнавать о многом другом, интересном и до того неизвестном.

От той весёлой и беззаботной школьной поры осталась у Лёньки непреодолимая тяга к физическим опытам. Искоренить её не могли ни насмешки жителей местечка, ни ворчание жены, ни годы, что седыми птицами незаметно пролетали над головою...

ЗАРЕЦКАЯ Юлия Францевна родилась в 1978 году в деревне Дуниловичи Поставского района Витебской области. Окончила филологический факультет Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка. Главный редактор журнала сатиры и юмора "Вожык". Автор книги "Шчаслівыя людзі" (2011). Живёт в Минске.

— Лёнька, ты слышал, что умные люди живую воду делают? — спрашивал у него утром Чесь, с которым они вместе работали в интернате. — По телевизору вчера до ночи показывали.

— Чудо, да и только! — вмешалась в серьёзный мужской разговор старая Франя, уборщица.

— Этакое там чудо, — хмыкнул Лёнька. — Так и я могу.

— Разве ты сможешь? — Франя аж скривилась. — Там же люди учёные делали, в какой-то лапратории...

Ну, лабораторией Лёньку было не удивить. Он там, считай, жил. Мастерская, что размещалась поодаль от дома, была и столяркой, и кузницей, и шилорамой, и тем местом, где проводились кустарные, но от этого не менее серьёзные научные опыты. Как и всякого чудака, Лёньку не понимали. Сельчане изредка подтрунивали над ним, а то и подшучивали. А жена так и вовсе плешь проела, упрекая за прожжённые штаны и замаранные рубашки.

Старой Фране, которая, однако, верила в Божии чудеса, Лёнька ничего не ответил. Зато, придя домой с работы, даже не поужинав, закрылся в своей исследовательской мастерской. Вышел он оттуда тёмной ночью, и разве только тоненький месяцик заметил на его губах лёгкую, почти неуловимую улыбку...

Прошла неделя — и Лёнька, подойдя к Фране, что привычно перетира-ла пол в интернатском коридоре, протянул ей торбочку:

— Держи, тётка Франя. Это тебе.

— Что это? — оторвалась от работы и с недоумением глянула на Лёньку Франя.

— Чудо! — весело хохотнул Лёнька. — В банке.

— Ты что, напился? Или головой где тюкнулся? — выпрямилась старая уборщица и пристально стала вглядываться в Лёньку.

— Напьюсь потом, когда ты зафундуешь, — по-прежнему ухмылялся Лёнька. — А голова моя — о-го-го! Ей тюкаться ни в коем случае нельзя. Я её берегу, как ты — хлеб освящённый.

— Всё-таки правда напился! — укоризненно закивала головой Франя. — С утра уже, чтоб ты лопнул!

Лёньке эта склока начала надоедать, он мигом посерьёзней, даже немного плечи расправил:

— Ну, полно, тётка Франя, пошутили. А живую воду забирайте себе — дарю. Хочешь — вазоны полей, хочешь — огурцы... — и, поставив торбочку на пол, пошёл восвоюся.

Франя задумалась. “Смеётся он надо мной, глупой старухой, или что? Вроде не должен. Да откуда у него, чудака, живая вода взялась? Да и вода ли там?” Она достала из торбочки банку. “Будто бы вода”. Приставила швабру к стене, тихонько посунулась к окну. “Попробовать нужно”, — мелькнуло в голове. “А если там что-нибудь такое?... Ну, и что ж такое, жидкое и прозрачное, кроме воды, там может быть?” — возразила она сама себе. Сняла крышку и осторожно поднесла банку к носу, понюхала. Никакого духу. Тогда, оглянувшись по сторонам (вдруг какие баловники попрятались по углам да только этого и ждут?), Франя перекрестилась и глотнула из банки. Затаила дыхание. “А чтоб ты лопнул — вода! — разочарованно плюнула Франя и сама над собою подсмеялась: — А ты чего ждала? Может, водки?..”

Она прикрыла банку, спрятала её в торбочку и в задумчивости стала до-тирать пол...

— Не поверила я ему ни капельки! Ну, если только на одну, — доказывала Франя своим подругам, низенькой, сухой Альбинке и круглой, как арбуз, Маньке. — Но дай, думаю, посмотрю. И начала справа, как захожу в парник, — и даже повела рукой, показывая, — поливать одно растеньице той водою. Понемногу. Ну, где-то по стаканчику в день. Вчера ровно неделя минула, как...

— Ну, и что случилось? — перебила её нетерпеливая Манька. — Пропало то растеньице?

— Тыфу-ты, — вспыхнула Франя. — Пропа-а-а-ало! Если бы у меня все помидоры так пропали, как это растеньице! Чего бы я тогда и говорила-то

вам? Только чтоб вы посмеялись надо мной, старой балдой? — и улыбнулась. — Выросло оно в два раза больше, чем другие. И завязи — весь куст обсыпан!

— Ты, Франька, сказки какие-то рассказываешь, ей-Богу, — пробубнила Альбинка, которая внимательно слушала Франин рассказ. — Так уж и вымахало.

Франя сверкнула глазами, поджала пересохшие губы и сказала решительно:

— Пошли, бабы! Что вам толковать — сами увидите!

Описывать то, что увидели в самодельном, невысоком парничке низенькая Альбинка и круглая Манька, напрасно. Это уже за нас сделала взволнованная Франя. Куда интереснее увидеть картину, которую наблюдали в то летнее июньское утро работники и жители интерната. (Это специальное учреждение размещалось километрах в двух от местечка.)

Из автобуса, который привёз людей на работу, проворно высыпали взволнованные бабульки в цветастых, лёгких платках, с узелками в руках. Как их ни расспрашивали в автобусе, зачем это они такой дружной компанией катят в интернат, те по-деревенски *дипломатично* уклонялись от ответа (да и что можно услышать в такой барбухайке, которая грохочет по ровненькому асфальту, да если ещё и слух стал подводить, и зрение, и поясницу что-то ломит, и в груди отдаёт, а ноги болят — не ступить!..) и переводили разговор в другое русло или сосредоточенно замолкали. Цветастую вереницу, едва не наступая друг другу на пятки, бабульки устремились в глубь интернатских построек...

Если бы Лёнька знал, какая толпа стремится проникнуть в его мастерскую и какой умысел держит в своих седеньких старушечьих, на удивление сообразительных головах, то он... Нет, не спрятался бы. Разве можно спрятаться от яркого солнца в пустыне или от студёного ветра на севере? Жди — не жди, пока иссякнет, а должен с этим жить...

Лёнька дождался. Первой к нему дошла немного расплывшая (это если по городским меркам, а если по-деревенским, так ладная) Вертя.

— Лёнька, голубок, я к тебе! Как здоровычко?

— День добрый, Лёничек! — примкнула к Верте невысокая Антя. — Как детки? А я же помню, как тебя ещё маленького качала. Хорошенький был такой, толстенный!..

— Ах, вы, верхивостки! Куда вперёд влезли? — накинулись на них Альбинка с Манькою. — Мы первые!

Лёнька улыбнулся и заговорил с ними дружелюбно:

— И вам день добрый, бабки! Спрашиваете, как здоровычко моё, как детки? Ну, тогда слушайте. Почему же не рассказать, если бабки ради этого аж сюда добрались. Так вот, — и он вздохнул, — мать моя, сами знаете, молодой замуж вышла. В давнишние же времена не так, как теперь, сидят в девках до тридцати лет!..

Старушки заволновались, стали переглядываться.

— Да вы садитесь, бабки, садитесь! Я вам сейчас всё как есть расскажу. Так на чём я остановился?

Вертя толкнула в бок Антю. Та огрызнулась: сама, мол, спросила о здоровье, я — о детках спрашивала. На помощь им пришла Манька:

— Знаешь, Лёничек, я тебя послушала бы, да у меня старый мой ещё не завтракал, ждёт, пока я приеду, драников ему напеку...

— А я, голуба, только теперь вспомнила, что кур закрыть забыла. Подерут, холера, мне весь огород! — подхватила Альбинка.

— Ай, бабы, у меня же тесто, видать, подошло. Попрёт сейчас через дёжку! — замахала руками Вертя.

Лёнька пожал плечами.

— Что ж, бабки, бегите домой, а то бед сейчас богато делается! И я пойду, работы хватает, — и повернулся к ним спиной.

— Так мы, Лёничек, банки свои в углу оставим, хорошо? В торбочках, чтобы не перепутать потом, — кротким голоском проговорила Антя.

— Ты уж уважь нас, старых. Мы же с твоей матерью подругами были, — закивала головою Вертя.

— Какие банки, бабки? На кой чёрт они мне? — обернулся к ним Лёнька. — Что-то я ничего не понимаю...

— Ты, хлопёц, брось над нами смеяться. Хватит уж, — поджала губы Антя. — Мы и заплатим тебе хорошо. Правда, бабы?

— А как же, заплатим!

— Есть деньги!

— Бабки, родненькие! — попробовал перекричать их Лёнька. — Не нужно мне ваших денег! — и схитрил: — Гляньте, вон машина во двор приехала, сейчас на Дуниловичи пойдёт. Вам же домой нужно было — бегите скорее, пока не уехала!

— Нет, Лёнька, ты нам слово дай, что сделаешь! — ухватила за него Альбинка. — Пообещай!

— Я же тебя маленького ещё помню! — опять завела Вертя. — Толстячок такой был!..

Не секрет, что иной муж со своею женою и неделю живёт, и полвека, а справляется с трудом. Что же говорить, если на одного Лёньку набросилось столько женщин? Капитуляция в данном случае представлялась единственно верным решением...

Нет в нашей жизни ничего тайного. Спрячешь в сердце грусть — а она на лице выступит да и выдаст тебя с головой; вроде и глаза спрячешь, чтобы не увидел кто в них тихой радости, а дрожащие руки все равно подведут тебя... Не приходится удивляться и тому, что о цветастой процессии скоро узнала и директор интерната, Зинка Качкина. Строгая начальница не на шутку рассердилась на своего мастеровитого, рукастого подначального и распорядилась передать ему устный, но твёрдый приказ: “Изготовить для нужд интерната сто литров живой воды!”

И если Лёньку такое распоряжение чрезвычайно огорчило и прибавило на лице его пару тоненьких морщинок-ниточек, то некоторых завистников (не они ли и набрехали директорше про водяные фокусы рабочего Мальца?) очень обрадовал. Вишь, ты, умник нашёлся, и чего ему спокойно не работалось, как иным добрым людям, опыты всё какие-то затевал, вечный двигатель изобретал — вот и дождался. А не выполнит приказ — дебелая хмурая Качкина, и ойкнуть не успеешь, вытурит с работы.

Уныние есть страшный грех. Лёнька это твёрдо знал. Да и когда деревенскому человеку при его каждодневных хлопотах и беспокойствах впадать в отчаяние? Должен был он выполнить указание, неизбежно и неотменимо. И напрасно объяснять, что производство живой воды требует много времени, что над той злосчастной банкой, которую подарил он старой Фране, неделю корпел. А здесь — сто литров! За три дня! Смешки слабые... Поэтому и не доказывал никому ничего, не спорил, не жаловался. Молча кивнул головой, выслушав такой приказ, и поплёлся в мастерскую...

А ровно через три дня Лёнька стоял в директорском кабинете перед дородной Качкиной, которая подозрительно поглядывала на него через стёклышки очков, сдвинутых на толстый нос, и докладывал:

— Готово, Зинаида Феликсовна. Ночей не спал, обессилел, едва не надорвался, а сделал, как вы приказали. В мастерской у меня стоит, в бочке. Можете забирать.

Качкина передёрнула плечами, подвинула очки ещё ниже на нос, будто хотела собственными глазами, без всяких оптических уловок, рассмотреть Лёньку, будто видела его впервые.

— Живая вода?

— Живая вода, — подтвердил Лёнька.

— И помидоры ей поливать можно?

— Можно.

— И огурцы тоже?

— Тоже.

— И что, даже баклажаны?

Лёнька хотел было возразить, что такого овоща в интернатских теплицах сроду не выращивали, но сдержался:

— А как же! И их поливайте...

Качкина довольно кивнула головою и, бросив вслед мягко-угрожающее: “Если что какое, то...”, — махнула рукой в сторону двери...

Куда более кротко разговаривали с Лёнькой бабки, что вновь дружной, цветастою вереницею притащились за своими торбочками. И как ни допытывались они, сколько денег стоит эта вода или чем другим тогда отплатить мастеру за такую милость, Лёнька наотрез от всякой благодарности отказался. А когда растроганная Антя, которая вновь завела: “А я тебя, Лёничек, еще маленьким помню. Толстенный такой был, крикливый!..” — и собралась было завсхлипать, даже цыкнул на неё. Этого хватило, чтобы старушки проворно подхватили свои торбочки и, слегка кланяясь и желая Лёньке всяческих благ в жизни, высыпались из мастерской...

И хоть те самые недоброжелатели и завистники перешёптывались, что не мог Лёнька за три дня изготовить столько живой воды, что где-то схитрил и в чём-то сплутовал, и этот обман быстро обнаружится, и тогда ему хорошо попадёт от разгневанных женщин, вскоре вынуждены были прикусить свои ядовитые языки. Та часть интернатских огурцов с помидорами, которую поливали *живой* водою, на глазах вытянулась, кустики значительно прибавили в росте, появилась и завязь...

На радостях Качкина выписала Лёньке двойную премию и дала три дня отгулов. Она натешиться не могла своими любимыми баклажанчиками, что стали расти с большой скоростью, и в мыслях уже прикидывала, что если полить этой водою небольшой (сотки три всего) участок возле дома да клин клубники, да ещё лук с чесноком, да...

После отгулов Лёнька вернулся на работу понурым, хмурым. Он долго мялся перед начальнической дверью, а затем решительно открыл её. Отрывисто, коротко (разве словами горю поможешь?) и с грустью в голосе он сообщил ей невесёлую весть: аппарат для изготовления живой воды сломался, ремонту не подлежит. Я, мол, и так, и этак, как ни старался, сколько усилий ни прилагал — всё напрасно. Как говорят, колесо лопнуло — и велосипед стал.

Вид у него был такой печальный и несчастный, что никто, даже Качкина, и не подумал усомниться в правдивости Лёнькиных слов. А тот, едва ли не впервые по-крупному солгав начальству, даже не почувствовал угрызений совести. Он справедливо рассудил, что чудо потому и чудо, что случается редко и неожиданно, когда его никто и не ждёт, когда в него даже не сразу и поверишь. А если чудо сделать повседневным делом, если изумление и восхищение от него станут неутолимой алчностью и корыстолюбием, оно исчезает, как пугливая падающая звезда. Было — и нет...

Да и, правду говоря, где он, Лёнька, наберёт столько селитры, чтобы сыпать её в обычную колодезную воду, превращая тем самым в необычную, живую? Да, постарался один раз, сделал живой воды, но это всё же — вода. Как говорят, была — да сплыла...

Может, и случится когда ещё такое чудо, а пока... Поживите простой земной жизнью да помечтайте о чуде! Вдруг и дождётесь когда...